

ГЕКСАМЕТР – древнейшая форма стиха в античной европейской поэзии. В русской силлаботонике гекзаметр (или гексаметр, от греч. hexametros – шестимерник) обычно передают с помощью чистого 6-стопного дактиля:

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
Многих людей города посетил и обычаи видел...
(Гомер. «Одиссея». Песнь I. Пер. В.А.Жуковского)

Другой вариант имитации античного гекзаметра - сочетание в одной строке стоп дактиля и хорей (в процитированных ниже стихах слоги, образующие стопы хорей, выделены курсивом и взяты в скобки):

Кто ж от бо(*гов бес*)смертных подвиг их к враждебному спору?
Сын громовержца и (*Леты*) – (*Феб, ца*)рем прогневленный,
Язвы на воинство злую навел; погибали народы...
(Гомер. «Илиада». Песнь I. Пер. Н.И.Гнедича)

В русском языке слоги различаются по признаку *ударности/безударности*, а в древнегреческом они различались по признаку *долготы/краткости*. Единицами измерения стоп в метрической (античной) системе стихосложения являлись не слоги, а *моры*. Мора – отрезок времени, необходимый для произнесения одного краткого слога, две моры – для произнесения долгого слога. Таким образом, если античная стопа дактиля (- $\ddot{E}$ $\ddot{E}$) состоит из одного долгого и двух кратких слогов, она четырехморна. Четырехморна и стопа спондея (- -), состоящего из двух долгих слогов. Поэтому в греческих и римских гекзаметрах стопы дактиля и спондея сочетались гармонично. А в русском гекзаметре метрическую стопу спондея имитирует силлабо-тоническая стопа хорей (- $\ddot{E}$).

Как правило, в строке русского гекзаметра дактилей больше, чем хореев. Стопой хорей может быть заменена любая из шести дактилических стоп, кроме пятой (на приведенной ниже схеме скобки указывают на возможность такой стопной замены):

($\overset{\curvearrowright}{\curvearrowleft}$ $\overset{\curvearrowright}{\curvearrowleft}$)($\overset{\curvearrowright}{\curvearrowleft}$ $\overset{\curvearrowright}{\curvearrowleft}$)($\overset{\curvearrowright}{\curvearrowleft}$ $\overset{\curvearrowright}{\curvearrowleft}$ $\overset{\curvearrowright}{\curvearrowleft}$)($\overset{\curvearrowright}{\curvearrowleft}$ $\overset{\curvearrowright}{\curvearrowleft}$ $\overset{\curvearrowright}{\curvearrowleft}$ $\overset{\curvearrowright}{\curvearrowleft}$) $\overset{\curvearrowright}{\curvearrowleft}$ $\overset{\curvearrowright}{\curvearrowleft}$ $\overset{\curvearrowright}{\curvearrowleft}$

Это основное правило гекзаметра было однажды сознательно нарушено В.В.Набоковым в эпитафии “Памяти Гумилева” (ниже курсивом даны слоги хорейческой стопы):

Гордо и ясно ты умер, / умер, как Муза учила.
Ныне, в тиши Елисейской, / с тобой говорит о летящем
медном Петре и о диких / ветрах афри(*канских*) – Пушкин.

В данном случае нарушение запрета на замену пятой стопы, подчеркнутое отказом от замены предшествующих стоп, имеет важное композиционное значение: неожиданная стопная замена вместе с инверсией и пунктуационным знаком “тире” фокусируют внимание читателя на последнем слове стиха – “Пушкин”.

Строка гекзаметра всегда поделена цезурой на два неравных полустишия: обычно цезура помещается в третьей стопе и делит ее слоги. Чаще всего цезура следует за первым, ударным слогом третьей стопы, и тогда левое полустишие завершается мужской клаузулой (см. пример из “Одиссеи” в пер. Жуковского). В античном гекзаметре иногда встречается цезура после второго слога третьей стопы, поэтому в русском допустима и женская клаузула в конце первого полустишия (см. пример из “Илиады” в пер. Гнедича).

На этом фоне завершение первого полустишия дактилической клаузулой кажется нарушением общего правила. Дактилическая клаузула почти не подчеркивает цезуру, а при беспорядочном использовании клауз различных типов ощущение двухчастности каждого гекзаметрического стиха вообще исчезает:

Будь одинок и *слеп*, как Гомер, и глух, как Бетховен,
Слух же душевный *сильней* напрягай и душевное зренье,

И как над пламенем *грамоты* тайной бесцветные строки
Вдруг выступают, так *выступят* вдруг пред тобою картины,
Выйдут из мрака всё *ярче* цвета, осязательней формы,
Стройные слов *сочетания* в ясном сплетутся значенье...
(А.К.Толстой. “Тщетно, художник, ты мнишь, что
творений своих ты создатель!..”)

Форма дактило-хореического гекзаметра, на первый взгляд свободная, в действительности накладывает на поэта целый ряд ограничений. Например, крайне неудачными выглядят гекзаметрические опыты И.С.Никитина. Он для большей “гладкости”, музыкальности стиха отказался от стопных замен и писал гекзаметры чистым 6-стопным дактилем (“Вечер после дождя”, “Подле реки одиноко стою я под тенью ракиты...”, “Лесник и его внук” и др.). Несмотря на это, поэту, который так успешно имитировал формы народного русского стиха, гекзаметр все-таки не давался.

Показательно стихотворение Никитина “Буря”. В нем цезуры постоянно нарушают смысловое членение фраз:

Там вон от тени крутых / берегов вороненою сталью
Кажется влага. Вдали / полосую широкой, что скатерть,
Тянется луг, поднимаются / горы, мелькают в тумане...

В первом стихе цезура отделила определение от определяемого существительного, во втором – “переадресовала” обстоятельство места, в третьем – неудачно отрезала сказуемое от подлежащего (синтаксическая пауза между “горы” и “мелькают” короче ритмической паузы между “поднимаются” и “горы”).

В некоторых строках цезура просто исчезает: “Мнится, что ожили богатыри старой матушки-Руси...” (в данном случае из-за ее сдвига в середину 4-й стопы, нарушающего привычную для читателей соразмерность частей гекзаметра). Наконец, иногда автор не выдерживает 6-стопный строй стиха: “В зеркале вод отразились небо и берег...”, “Что-то шепнет ей и, вольный, умчится далёко...” - 5-стопные строки. Как при уменьшении, так и при увеличении числа стоп в гекзаметрическом стихе его форма разрушается (пример 7-стопных строк – в поэме Жуковского “Ундина”).

Строгая гекзаметрическая форма изначально сопутствовала определенным стихотворным жанрам античной поэзии: эпической поэме (“Илиада” и “Одиссея” Гомера, “Труды и дни” Гесиода, “Энеида” Вергилия, “Метаморфозы” Овидия), в том числе пародийному эпосу (“Батрахомиомахия”), гимну (“Гомеровы гимны”), сатире (стихотворения Горация, Луцилия, Персия), изредка – афоризму (таков моностих Архилоха “Главк, до поры лишь, покуда сражается, дорог наемник” в пер. В.В.Вересаева). В элегиях и эпиграммах использовалась форма *элегического дистиха* (см. одноименную статью), представляющая собой последовательное чередование строк гекзаметра и *пентаметра*.

Гекзаметром были написаны важнейшие произведения европейской древности, поэтому русские поэты использовали его преимущественно при переводах соответствующих памятников литературы или при стилизации, которая помогала подчеркнуть “древность” сюжета, образов, в целом избранной темы (так, Жуковский, выбрав сюжет поэмы “Наль и Дамаянти” из *древнеиндийского* эпоса “Махабхарата”, обращается к *древнеевропейской* форме гекзаметра).

История русского гекзаметра начинается в первой половине XVIII в. В российской силлабической поэзии гекзаметру соответствовал 13-сложник. В.К.Тредиаковский в “Новом и кратком способе к сложению российских стихов...” утвердил это соответствие как норму для поэтов-силлабистов: “Эксаметр наш не может иметь ни больше, ни меньше тринадцати слогов”. Его поддержал А.Д.Кантемир в “Письме Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских”: “Тринадцатисложный стих <...> всех способнее соответствует экзаметру греческому и латинскому...”. По его высказыванию можно судить о том, что представители отечественной силлабики не стремились к точному воспроизведению особенностей античного стиха на русском языке, а лишь выбирали из числа известных им силлабических форм ту, которая могла послужить аналогом “экзаметра”.

М.В.Ломоносов в “Письме о правилах российского стихотворства” теоретически обосновал и проиллюстрировал возможность использования 2- и 3-сложных стоп, подобных

стопам античного стихосложения. Упомянул он и о возможности смешения в стихе дактилических и хореических стоп, а приведенные им в пример строки, пусть и с рифмами, оказались значительно ближе к древнему гекзаметру, чем 13-сложные силлабические стихи: “Очень также способны и падающие, или из хореев и дактилей составленные, стихи к изображению крепких и слабых аффектов, скорых и тихих действий быть видятся. Пример скорого и ярого действия:

Бревна катайте наверх, камня и горы валите,
Лес бросайте, живучий выжав дух, задавите”.

Действительно, за долгие века существования гекзаметр успел стать универсальной формой, пригодной для изображения разнообразных событий, для описания различных чувств.

Даже Тредиаковский, провозгласивший 13-сложник русским “эксаметром”, со временем изменил точку зрения и стал первым из российских поэтов, кто обратился к предложенной Ломоносовым дактило-хореической форме, а потому был назван А.Н.Радищевым “дактило-хореическим витязем”. (В тексте приведенного ниже фрагмента из эпической поэмы “Тилемахида” расставлены цезуры и скобками отмечены границы стоп.)

(Я спро-)(сил у не-)(го, / состо-)(ит в чем) (царска дер-)(жавность)?
(Он отве-)(щал: царь) (властен) / (есть во) (всем над на-)(родом);
(Но за-)(коны над) (ним / во) (всем же) (властны ко-)(нечно).

Популяризация гекзаметра связана с переводами поэм Гомера, выполненными Гнедичем и Жуковским. Кроме “Одиссеи”, Жуковский перевел “Войну мышей и лягушек” (оригинальное название – “Батрахомиахия”), фрагменты “Илиады” и “Энеиды”, пользовался гекзаметром при записи шуточных протоколов литературного общества “Арзамас”. М.Л.Гаспаров назвал Жуковского “величайшим из мастеров русского гекзаметра” и отметил, что он “ощущал разницу между слабо хореизированным и сильно хореизированным стихом: первым он пользовался для высокого эпоса (“Аббадона”, “Илиада”, “Одиссея”, отчасти “Энеида”), вторым – для прозаизированного стиля стихотворных повестей, притч и шуток” (Гаспаров М.Л. Русский гексаметр и другие национальные формы гексаметра // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. III, О стихе. М., 1997. С.249-250).

А.С.Пушкин, часто пользовавшийся формой элегического дистиха, только трижды обращался к регулярному гекзаметру: в незавершенном наброске “Внемли, о Гелиос, серебряным луком звенящий...”, в миниатюре “В роце карийской, любезной ловцам, таится пещера...” и в переводе из Ксенофана Колофонского “Чистый лоснится пол, стеклянные чаши блистают...”. В пушкинское время представления о гекзаметре ассоциировались у читателей с идиллиями А.А.Дельвига (“Цефиз”, “Дамон”, “Купальницы”, “Друзья”, “Конец Золотого века”, “Изобретение ваяния”).

В середине XIX в. гекзаметром писали оригинальные произведения М.А.Дмитриев (“Московские элегии”), Н.Ф.Щербина (“Моя богиня” и др.), А.А.Фет (“Влажное ложе покинувши, Феб златокудрый направил...” и др.). Редко прибегали к нему поэты-символисты. В XX в. гексаметр использовался в основном для переводов античных авторов.

В.Б.Семёнов

Источник: Л.В.Чернец, В.Б.Семёнов, В.А.Скиба. Школьный словарь литературоведческих терминов. М., Просвещение, 2002. С. 102-106.